Небосвод покрылся темно-синей краской. Северный ветер колыхал ветви деревьев и готовил их ко сну, однако «город» не намеревался лезть в постели еще несколько часов. Праздник. В основном семейный, но разве близких друзей или любимого человека нельзя назвать «семьей»? Это уже решает каждый сам.

Погоду, увы, никак нельзя было назвать праздничной: лишь слегка припорошённый снег на земле и на ветвях сосновых, фонари вдоль улиц, напоминающие бенгальские огни, только без интенсивных искр. О торжестве напоминали лишь сами люди, их радостные возгласы, горящие в комнатах лампы в столь давнее время и «украшенный» город.

Буквально через пару минут пробьют куранты — и темное небо озарится неким волшебством, созданным обычными фейерверками. Ничего особенного или нового, более того, даже фейерверки каждый год одинаковые, не учитывая и самого отсутствия новогоднего настроения. И хоть это далеко не редкость — отсутствие предвкушения праздника — смотреть на юношу было больно.

Проходящий мимо человек решил бы, что это, скорее всего, мертвое тело, и сообщил бы в полицию, однако тело более чем живое, да и место оно выбрало весьма нелюдимое: небольшой склон к реке, которая разрезает город на две части, и мост через нее, соединяющий эти две части, как ни странно.

И хоть место фактически безжизненное, вид тут был прекраснее, чем на любой другой площади. Только бы менее безжизненное и открытое место сравнилось бы с этим излюбленным для парня уголком, где он может забыться, полежать на холодной земле и в сотый или тысячный раз заболеть.

- Как новый год встретишь, так его и проведешь, - сказала чуть заметная ухмылка парня, - пять лет, а будто все 40…

Эта фраза, метафора, пословица… она была привычна для этого дня. Уже пять лет подряд он повторяет ее в этот праздник с какой-то грустью, усиливающейся каждый год. Он стремится разрушить это, казалось бы, проклятие, но у него постоянно не получалось. Другой бы потерял всякую надежду, но покинуть ее он не мог. Слишком мелкая, слишком храбрая, слишком язвительная, но в то же время очень хрупкая, удивительно красивая для своих лет, сообразительная и, как ни странно, это единственный друг, который был у парня за эти долгие годы жизни, одинокой жизни, наполненной болью. Просто так отпустить ее он не мог. Оставить одну, и также остаться одному. Он должен был спасти ее раньше. Забрать от тех шакалов, промывающих мозг. Страшно подумать, что они с ней делали, делают и планируют делать. Ведь она совсем одна. У нее нет никого. Никто не спросит, никто не вспомнит о ней.

- Как же смешно осознавать, как эти придурки ошибаются насчет ее одиночества и ненужности. Раскромсаю ебальники каждому, кто даже к волосам прикасался, – эти мысли взбодрили Фостера. Глубоко в мыслях он уже представлял, как вспарывает живот одному, достает кишки наружу другому. Как отрезает всем этим ублюдкам руки, как ломает кости, разбивает череп. Всаживает пару десятков пуль в голову, живот, как заставляет своими же руками убить себя.

Но нет никакого толка от фантазий, желаний, дикой жажды мести и крови. О таком думать мог лишь настоящий зверь, которого не кормили мясом целых три дня. В какой-то степени, Зак был этим зверем. Убийства в его исполнении остались, удовольствие – нет. Нет никакого желания убивать кого-то, кого ты убивать совершенно не желаешь.

Фостер стал прирученным зверем. Конечно, он давно приручен одной девочкой, но пока той нет рядом, а жить на что-то надо, Зак продал свой единственный бесценный талант. Одни богатые дяди нанимали его для убийства других. Хорошая работа для нашего героя. Совмещает любимое дело и хороший заработок, оставаясь востребованным. О таком мечтали бы многие, однако ему наскучило. Думаю, ему надоело все. И его «работа», и одиночество, и холод, но хотя бы с третьим он мог бороться: встать и уйти домой, к своему любимому (бес)порядку. Но из-за пустоты идти туда совсем не хотелось.

- Я должен ее вернуть.

Небо озарилось искрами. Звук, напоминающий громкие хлопки, достиг ушей юноши. Уже достаточно выпившие люди кричали на площадях вслед уходящему году, встречали новый и думали, что уж этот год принесет им счастья.

- Как же жаль, что они так наивны, - сказал парень и, собираясь уходить, проводил взглядом праздничную феерию, мысленно попрощался со своим «уголком» уединения.

Его шаг был расторопным. Он не спешил, наоборот, хотел растянуть момент, ведь пока слышал эту громкую жизнь в городе, он чувствовал себя менее несчастным. Он мог позлорадствовать в голове, посмеяться над «живым мясом» и стремительно растворяться в ночи.

Путь предстоял весьма долгий. Сплошные подъемы, исковерканные тропинки, множество выглядывающих корней и беззаботные камни, которые специально подползали под ноги, чтобы люди о них спотыкались. (Очень коварные камни.) Единственный плюс – ни одной живой души, кроме Фостера, ведь если бы его кто-то и увидел, то сбежал бы в панике в другую сторону, заблудился бы и умер бы.

- Хотя было бы забавно посмотреть на эту верещащую от ужаса хрюшку, - вслух поразмышлял парень и продолжил свой путь.

За эти пять лет Зак практически не изменился. Всё тот же стиль убийцы-задрота: растянутая байка, пропахшая кровью, агонией и страхом его жертв, черные волосы, явно обрезанные вручную, все те же глаза безумца, хоть и слегка потерявшего интерес в своем безумии. За спиной коса, не такая прочная, как прошедшая. И естественно, все те же бинты, которые либо менялись очень часто, из-за того, что шрамы начинали кровоточить или гноиться, либо оставались на нем на протяжении недели и успевали измазаться в крови.

И хоть Зак, казалось бы, все тот же Зак, вечно грубивший своей знакомой, орущий на нее либо же смеющийся, как конченный психопат, небольшие изменения с ним произошли: он научился читать, хоть и очень плохо, стал более сдержанным и скучным. Может, это потому что он уже

весьма взрослый, а может, он просто закопался в скуке и одиночестве.

Его путь, наконец, подошел к концу. Деревянная дверь отворилась обычным толчком внутрь. Всё на своих местах, всё в (бес)порядке. Он растопил маленькую печь, дабы в доме не было так холодно. Положил свою косу в привычное для нее место, снял с себя бинты и, укрывшись тонким пледом, лег на диван, который служил ему кроватью. Было забавно смотреть, как парень не помещается со всем его ростом на эту подстилку. Ему приходилось сгибать колени, но так он выглядел очень несчастно.

Он лежал, закрыв глаза. На нем была все та же байка, штаны, обувь, а сверху его окутывал тонкий плед, не способный укрыть весь его рост. Колени упирались в кофейный столик, который стоял поблизости. Огонь из печки нежно игрался с деревяшками внутри. То изворачивался, то больно обжигал, то издавал уютный треск, но никаким уютом в доме и не пахло.

- Я заберу тебя оттуда, и ты научишь меня читать так быстро и хорошо, как только это возможно, - произнес парень с некоторой грустью в голосе.

Убийца грустит. Страшный зверь поддался чувствам. Кем же надо быть, чтобы приручить кровожадного хищника?

- Спокойной ночи, Рей.

Последние слова перед глубоким сном растворились в полумраке. Который день подряд этот парень желает спокойной ночи этой дурочке? Неважно… Он не пропустил ни одного дня, не пожелав эти два слова, за все минувшие 5 лет.

http://tl.rulate.ru/book/44313/1038984